
Шестая глава.

— Встань, Цинчжоу.

После долгого молчания Ли Хаоцан тяжело, сокрушенно вздохнул.

Шэнь Цинчжоу перестал биться лбом о пол, но головы не поднял. Прижавшись лицом к холодной земле, он глухо, с надрывом произнес:

— Учитель, вам ли не знать, как близки мы были со старшим братом? Мы делили одну душу на двоих, я всегда чтил его и любил всем сердцем... А теперь... Учитель, я не могу с этим смириться!

Едва стихли эти полные боли слова, как воздух вокруг зашелестел. Шэнь Цинчжоу удивленно поднял глаза и замер: полы халата и широкие рукава учителя колыхались, вздымаясь без малейшего дуновения ветра. Он сразу понял, что это бушевала мощная внутренняя сила, высвобожденная душевным волнением мастера. Не смея более испытывать терпение наставника, юноша смиренно поклонился, поднялся с колен и тихо, заискивающе проговорил:

— Не гневайтесь, учитель, я больше не стану докучать расспросами. Мой уход из долины преследует благие цели: я хочу послужить справедливости в цзянху и укрепить славу нашей школы. А если по пути удастся разворотить это змеиное гнездо, этот притон порока — Дворец Лазурного нефрита, разве это не зачтется мне как великий подвиг?

Ли Хаоцан заложил руки за спину, повернулся и окинул взглядом Шэнь Цинчжоу, который уже успел нацепить привычную беззаботную ухмылку. Прошло немало времени, прежде чем старый мастер заговорил:

— Цинчжоу, пойми: дело вовсе не в моем нежелании избавить тебя от этой душевной муки. О предательстве Сяо тоскуешь не ты один — у меня самого из-за этого дела ни сна, ни покоя нет. Но поступки этого отступника перешли все границы! Это чистой воды святотатство, бунт против законов чести! Какое бы горе его ни грызло, какие бы тайные причины им ни двигали, он не имел права опускаться на самое дно и покрывать позором всю нашу школу!

Шэнь Цинчжоу оцепенел. Несмотря на недюжинную силу ци, он ощутил, как ледяной холод сковал его пальцы. Улыбка мгновенно сползла с его лица. С трудом подавляя нарастающую тревогу, он осторожно спросил:

— Но ведь старший брат всегда был воплощением благородства и честности... Учитель, ваши слова...

Ли Хаоцан посмотрел на него так остро, что тот мгновенно умолк. Юноша снова понурил голову. Мысли его путались. Он слишком хорошо знал скрытный и сдержанный нрав учителя: тот никогда не рубил с плеча, не выносил поспешных приговоров и терпеть не мог преувеличений. Какое же ужасное преступление совершил старший брат, если даже всегда снисходительный наставник не нашел ему прощения?

Заметив, как побледнел и растерялся младший ученик, Ли Хаоцан проглотил готовые сорваться с языка суровые упреки. Снова вздохнув, он заговорил мягче:

— Ну полно. Мы молчали лишь потому, что щадили твои чувства. Вы с Сун Сяо были не разлей вода, и когда он столь безжалостно отвернулся от нас, именно по твоему сердцу пришелся самый тяжелый удар. Я, твои шибо и шишу — все мы видели твою муку и не желали, чтобы ты продолжал изводить себя из-за этого изменника. Твои почтенные родители, господин Шэнь и его супруга, разделяют наши опасения.

Ли Хаоцан выдержал паузу. Он проницательно посмотрел на скорбное лицо ученика и продолжил низким, ровным голосом:

— То, о чем я поведаю тебе сегодня ночью, Цинчжоу, напрямую касается чести школы Сяояо. В цзянху по сей день никто не ведает, что мой первый ученик отринул свет ради тьмы и предал своих наставников. Однако ты покидаешь долину, и судьба наверняка столкнет тебя лицом к лицу с прихвостнями из Дворца Лазурного нефрита. Я долго размышлял и в конце концов решил раскрыть тебе правду о том дне. Это убережет тебя от опрометчивых шагов: в слепой жажде докопаться до истины ты можешь легко угодить в расставленные еретиками сети.

Сердце Шэнь Цинчжоу бешено заколотилось. Он снова склонился в глубоком поклоне и глухо произнес:

— Благодарю вас, учитель!

— Запомни крепко: ни единая живая душа не должна услышать от тебя об этом. Так мы сохраним доброе имя нашей школы и убережем остатки достоинства самого Сяо.

Дав это строгое напутствие, Ли Хаоцан погрузился в долгое раздумье, а затем начал неспешно воскрешать в памяти события того рокового дня...

Праздник середины осени уже миновал. Солнце поднялось над горизонтом, но долина Сяояо тонула в сыром утреннем тумане, не приносящем тепла. И вдруг на деревянном мосту, перекинутом через глубокую горную расщелину — единственном пути, ведущем в долину, — сквозь пелену тумана проступил чей-то шатающийся силуэт.

По мере приближения стало видно, что это молодой человек в насквозь промокших одеждах. Он брел из последних сил, волоча и прижимая к себе бездыханное тело. Несшие караул ученики бросились ему навстречу. Разглядев лицо пришельца, они замерли от изумления:

— Старший брат Сун?! Что с вами стряслось?

Один из караульных перевел взгляд на того, кого бережно держал Сун Сяо. Несчастный тоже был мокрым до нитки; спутанные волосы облепили бледное, лишенное красок лицо с плотно закрытыми глазами. Он походил на утопленника, но стоило присмотреться к тонким, словно сошедшим с картины чертам, как у дежурного перехватило дыхание. Это был не кто иной, как Шэнь Цинчжоу!

— Брат Шэнь?! — в ужасе закричал ученик, пытаясь забрать бесчувственное тело.

Но Сун Сяо не разжал рук. Стиснув зубы, он сквозь силу прохрипел:

— Скорее... зови учителя!

Оказавшись личным учеником Рассеянного небожителя Ли Хаоцана, дежурный не посмел тратить время на расспросы. Вихрем помчался он вглубь долины, чтобы обо всем доложить мастеру.

Когда встревоженный Ли Хаоцан поспешно прибыл к ущелью, Сун Сяо с глухим звуком рухнул перед ним на колени. Сил его хватило лишь на то, чтобы выдохнуть:

— Учитель... младший брат... он...

После этих слов он без чувств повалился на землю.

Потрясение Ли Хаоцана было неопишным. Перенеся обоих учеников в свои покои, он лично осмотрел их. Шэнь Цинчжоу, если не считать насквозь промокшей одежды, не имел ни единой царапины, ни внутренних повреждений. Однако он пребывал в глубоком, неестественном сне — его явно опоили каким-то редким и мощным зельем.

С Сун Сяо все обстояло куда хуже. На нем буквально не осталось живого места, но страшнее всего был след от удара на груди — глубокий, налитый багровой чернотой отпечаток ладони мастера внутренних стилей. Еще бы волосок, и его сердце разлетелось бы вдребезги. Хотя удар пришелся чуть в сторону от смертоносной точки, рана была ужасающей. Когда Ли Хаоцан начал вливать в его меридианы собственную внутреннюю силу ци, Сун Сяо судорожно забился, изрыгая сгустки темной крови. С такими повреждениями ему требовалось как минимум пара месяцев полнейшего покоя, чтобы просто встать на ноги. На фоне этой раны многочисленные порезы и ссадины на его теле казались сущими пустяками.

Наставника охватило тяжелое недоумение. В каждого из этих ребят он вложил душу, годами шлифуя их мастерство. Их боевые навыки и чутье позволяли им без труда тягаться с лучшими мастерами Поднебесной. И вот теперь один усыплен подлым зельем, а второй едва дышит от смертельного удара. Кто же этот безумец, дерзнувший поднять руку на учеников школы Сяояо?

Ли Хаоцан решил дожидаться, пока кто-то из них придет в себя, чтобы прояснить обстоятельства случившегося. Однако, едва очнувшись несколько часов спустя, Сун Сяо вопреки всем запретам упрямо сполз с постели и рухнул перед учителем на колени, выпрямив спину. Но стоило Ли Хаоцану начать расспросы, как первый ученик замкнулся в себе. Он словно набрал в рот воды и упрямо хранил гробовое молчание, не проронив ни звука.

Видя глубокое отчаяние и неподдельную муку на лице старшего ученика, Ли Хаоцан понял, что тот столкнулся с чем-то поистине страшным. Но раз тот упрямо молчал, наставник из чистой жалости решил не бередить его раны расспросами. Полагая, что со временем все прояснится, он прекратил допрос и велел юноше беречь силы и восстанавливаться.

Но Сун Сяо даже не шелохнулся. Вместо этого он трижды со стуком ударился лбом о пол перед ошеломленным учителем и, задыхаясь от беззвучных слез, умолял изгнать его из школы Сяояо. Не видя иного выхода, раздосадованный и встревоженный Ли Хаоцан быстрым ударом запечатал его акупунктурные точки, погрузив упряма в сон, после чего аккуратно уложил его обратно на ложе.

Но не успел Ли Хаоцан обсудить это странное происшествие со старшим братом-главой школы, как тем же вечером у входа в долину Сяояо объявились незваные гости. То был сам владыка Дворца Лазурного нефрита Шангуань Чэнь, явившийся в сопровождении целой свиты из разодетых прелестниц и изнеженных юнцов. Вся эта пестрая кавалькада походила на обитателей веселого квартала Ваньхуалоу, выбравшихся на прогулку. Они шумной толпой хлынули к воротам долины.

Долина Сяояо не была отрезанным от мира местом, но уединенность здешних краев оберегала ее покой. Молодые ученики, никогда не видевшие столь бесстыдного великолепия, лишь ошарашенно глазели на незваных гостей, потрясенные до глубины души.

В этой шумной, крикливой толпе предводитель выделялся особенно ярко. Шангуань Чэнь гремел своим именем в цзянху уже добрых полтора десятка лет, и по самым скромным подсчетам его возраст должен был перешагнуть за тридцать. Тем не менее выглядел он поразительно молодо: черные шелковые волосы свободно рассыпались по плечам, кожа белизной соперничала с дорогой пудрой, изящные брови изгибались над лукавыми глазами с разрезом "персикового цветка". Облаченный в алое одеяние, поверх которого летела прозрачная газовая накидка с волочащимися по земле рукавами, он ступал с такой грацией, что при первом взгляде его можно было принять за безусого юношу, едва достигшего совершеннолетия! Шангуань Чэнь шел, не глядя по сторонам, с едва заметной полуулыбкой на тонких губах, но его появление неизменно приковывало к себе взгляды всех присутствующих.

Хотя Дворец Лазурного нефрита пользовался дурной славой у всех поборников праведного

пути, визит самого владыки обязывал соблюсти приличия, тем более что явной вражды между школами никогда не водилось. Руководствуясь неписаными законами цзянху, глава школы Сяояо проявил гостеприимство и пригласил эту «пеструю оранжерею» войти в долину.

Шангуань Чэнь ломать комедию не стал. Едва пригубив чай, он опустил пиалу и обратился к главе школы Е Чжэнци без лишних обиняков:

— Глава Е, я прибыл сюда с простой целью — забрать изменника, который укрылся под вашим крылом.

Нынешний глава школы Сяояо, старший среди «Пяти бессмертных школы Сяояо» по прозвищу Странствующий небожитель Е Чжэнци, сразу помрачнел. Вежливый тон гостя не мог скрыть завуалированной угрозы. Будучи главой великой и чистой школы, он не собирался пасовать перед предводителем еретиков. Он окаменел и процедил с ледяным смешком:

— Владыка Шангуань, с каких это пор беглецов из вашего Дворца ищут в долине Сяояо? Вы, должно быть, сбились с пути или перепутали двери.

— Если глава Е сомневается в моих словах, — отозвался Шангуань Чэнь. Его чистый, звонкий голос, лишенный привычной мужской хрипоты, под стать девичьему облику, лился легко и свободно. Он прямо посмотрел на Е Чжэнци и с улыбкой добавил:

—...то пусть этот беглец выйдет и рассудит нас сам.

Е Чжэнци окончательно помрачнел от гнева. Сдерживая кипящую ярость, он резко бросил:

— И кого же из моих людей владыка Шангуань смеет называть своим изменником?

Шангуань Чэнь мягко улыбнулся. Он разомкнул губы и отчетливо, не торопясь, произнес имя:

— Сун Сяо.

На этом месте Шэнь Цинчжоу не выдержал. Буря эмоций захлестнула его; на висках вздулись синие вены, лицо исказилось от ярости, и он истоптленно закричал:

— Ложь! Все это наглая ложь!

— Тихо, Цинчжоу! — прикрикнул на него Ли Хаоцан. Одновременно его ладонь тяжело опустилась на плечо юноши, умиряя готовую сорваться с поводка внутреннюю ци. —

Удерживай дух в средоточии, отринь страсти и обрети пустоту, храни покой и следуй судьбе, не ведай ярости и смятения...

Шэнь Цинчжоу послушно последовал наставлению учителя. Он сделал глубокий вдох, выровнял дыхание и через минуту шумно выдохнул скопившийся в груди жар. Взглянув на Ли Хаоцана, он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Его плечи поникли, а в покрасневших глазах блеснули непрошенные слезы.

Ли Хаоцан сочувственно кивнул и продолжил:

— Тогда глава Е приказал привести Сяо. И прямо там, перед всеми, твой старший брат... во всем признался. Он рассказал, что встретил Шангуань Чэня за пределами нашей долины и, очарованный им, тайно отрекся от своих принципов и присягнул на верность Дворцу Лазурного нефрита. В тот день он выполнял приказ своего нового господина: должен был предать тебя в руки владыки Шангуаня, дабы тот познал с тобой радости союза. Но, увидев благосклонность и страсть владыки Шангуаня к тебе, он сгорел от ревности. В последний момент Сяо передумал, выкрал тебя у своего господина и притащил в долину Сяояо.

Слова учителя обрушились на Шэнь Цинчжоу подобно раскату грома среди ясного неба. Ошеломленный, он мог лишь растерянно лепетать:

— Он... старший брат... неужели он действительно воспылал страстью к Шангуань Чэню?

— Что творилось в его душе, ведомо лишь ему одному, — с нескрываемой горечью вздохнул Ли Хаоцан, ласково глядя на младшего ученика. — Но как твой наставник скажу: Сяо давно таил на тебя злобу и зависть. В его душе тлели темные угли, и встреча с коварным владыкой Шангуанем лишь раздула из них пожар. Тот, кто взрастил в себе демонов сердца, легко поддается искушению. В его падении нет ничего невероятного. Цинчжоу, в этом нет твоей вины. Не казни себя.

В душе Шэнь Цинчжоу воцарилось полное опустошение.

"Действительно ли я ни при чем?" — этот немой вопрос повис в воздухе.

Какое-то время учитель и ученик сидели молча. Наконец Шэнь Цинчжоу заставил себя натянуть бледную улыбку и произнес:

— Что ж, выходит, если я хочу отыскать старшего брата, мне прямая дорога во Дворец Лазурного нефрита!

Ли Хаоцан пристально посмотрел ему в глаза:

— Цинчжоу, теперь, когда ты знаешь всю грязную правду, ты все равно не оставишь эту затею?

Тот беззаботно рассмеялся, мигом вернув себе прежний непринужденный вид, и вздернул подбородок:

— Учитель, ведь я уже дал слово перед шибо-главой школы! Пойти на попятную — значит запятнать вашу славную репутацию. К тому же, пусть в деле с эскортным агентством скрыта какая-то тайна, нашей школе все равно нужно направить туда своего человека. Так почему бы не мне? Какая разница, кто поедет? Вашего покорного слугу в цзянху уже знают под звучным именем, так что позора на седины школы Сяояо я точно не наведу!

Юноша тараторил без умолку, но Ли Хаоцан не проронил ни слова — он лишь молча, с грустной проникательностью смотрел на него. Шэнь Цинчжоу под этим взглядом стушевался, замолчал и неловко замер. Наконец он медленно опустил голову и тихо, едва слышно пробормотал:

— Учитель, вы ведь понимаете меня... Я... я просто хочу лично спросить старшего брата. Неужели он и впрямь возненавидел меня до такой степени?

Ли Хаоцан долго молчал. В тишине ночи раздался его тихий, полный смирения вздох:

— Твой узел на сердце не развязать словами. Что ж, иди. Но помни: береги себя.

<http://bllate.org/book/19915/2029534>